

УДК 141.336

МИСТИЦИЗМ В СКАЗАНИИ «КИССА-И ЙУСУФ»

© Р. А. Давлетшин

*Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН
Россия, Республика Башкортостан, 450054 г. Уфа, пр. Октября, 71.
Теле./факс: +7 (347) 235 60 77
E-mail: dawlat7@mail.ru*

В статье исследуются элементы мистицизма в агиографическом сочинении «Кисса-и Йусуф» средневекового поэта Кул Гали. Работа содержит новый взгляд на основные философско-литературные проблемы: комментирование мусульманского письменного наследия и аспекты философии суфизма в Урало-Волжском регионе. Тема конгенитальной роли мистицизма рассматривается через осмысление мистической философии суфизма как парадигмы ат-таджалли (эпифания: самопроявления Бога в вещах).

Ключевые слова: *агиографическое сочинение; философия суфизма; модус духовности суфийского мистицизма; мистический инструментарий; суфийская традиционная линия; конгенитальная роль мистицизма.*

Основной целью статьи является краткая реконструкция социально-философского и мистического содержания исследуемого общетюркского и регионального памятника Средневековья «Кисса-и Йусуф» Кул Гали. Постановка этой цели вызвала необходимость решения ряда проблем:

- выявление элементов и инструментария мистицизма в сказании;
- герменевтика и текстуальное изучение оригинала рукописного текста и издания;
- определение роли мистицизма и его парадигмы в письменном памятнике.

Пространства Южного Урала и Поволжья с древнейших времен являются северо-западной ойкуменой распространения тюркского населения. Оно включало конгломерат разных племен, в том числе объединения родов башкирских и болгарских племен, которые во многом схожи по форме конфедеративных отношений [1, с. 107–146]. Дошедшие до наших времен самые ранние свидетельства тюркоязычной мусульманской литературы непосредственно связаны с Булгарским государством и болгарскими письменными памятниками. На Урале и в Поволжье с принятием ислама появились новые социально-политическая, культурно-языковая и философско-религиозная перспективы. С интеграцией в мировую арабо-мусульманскую цивилизацию открылась возможность для активного приобщения народов Урало-Поволжья к достижениям передовой восточной культуры и науки: получили широкое распространение арабоалфавитная книжная культура и письменность, различные науки, особенно большой резонанс имело распространение в регионе арабского языка и мусульманской литературы в эпоху раннего Средневековья. Об этом свидетельствуют списки старинных рукописей, дошедших до наших дней.

Среди произведений особо выделяются списки самого известного литературного памятника эпохи

Булгарского государства – поэмы «Кисса-и Йусуф» («Сказание о Иосифе»), написанной на контаминационном огузо-кипчакском языке. Это поэтико-агиографическое сочинение болгаро-башкирского суфийского поэта Кул Гали, созданное в 1212-м, а во второй редакции – в 1233 году. «Так, самому раннему и популярному литературному памятнику периода Булгарского государства, поэме Кул Гали «Кисса-и Йусуф» (XIII в.), присущи гуманистические идеи борьбы добра и зла, условный характер отражения действительности, религиозно-дидактическое толкование событий, традиционный сюжет... Язык поэмы, в основном близкий к языку татар и башкир, содержит в себе обширный древнетюркский пласт, элементы огузских, кипчакских языков, арабизмы и фарсизмы. Поэма «Кисса-и Йусуф» создана на общем литературном языке тюрки» [2, с. 6–7].

Основным ареалом распространения и бытования «Кисса-и Йусуф» Кул Гали являются Приуралье и Поволжье. Происхождение автора башкирские ученые разных поколений прямо связывают с башкирским родом Айли [3, с. 45–49]. Наиболее известными являются, например, историческое сочинение представителя айлинцев Т. Ялыгула «Тарих нама-и булгар» («Книга истории булгар»), который являлся прямым потомком поэта в сороковом колене [4, с. 133–134], а также фрагмент источника, относящийся к генеалогии северо-западных башкир, вошедший в разные исторические издания [5, с. 168–172, 218–220].

Как известно, поэма имеет корни в виде библейско-коранических сюжетов пророка Йусуфа (Иосифа), но для поэта, несомненно, главными источниками были сура (глава) «Йусуф» [6, с. 235], Священные предания (ал-хадис) и история о пророках (киссас ал-анбия) с использованием арабской и персидской письменных литературно-исторических традиций, а также фольклорно-повествовательных

и поэтических древних тюркских мотивов. В сказании «Кисса-и Йусуф» поэтическое слово автора превратилось в главный инструментальный достижения философско-этических, мистико-религиозных и художественно-эстетических целей. Здесь Кул Гали гармонично соединил восточную поэзию и философию суфизма. Он гениально синтезировал величайшие модусы духовности суфийского мистицизма, такие как магрифа (*араб.* божественное познание), ваджд (*араб.* выход за пределы экзистенции), джазба (*араб.* божественная любовь и влечение), джалва (*араб.* божественная явность в наилучших достоинствах), а также калб (*араб.* сердце), ита'а (*араб.* покорность), хауф (*араб.* страх) и др.). Автор поэмы, в конечном итоге сближая эти дивергенциальные мистические элементы, заставил взаимодействовать конвергентно и кондоминатно [7, с. 76–77, 96–97].

В Коране после канонической бенедикации – восхваления Аллаха (бисмиллах) – сура (глава) «Йусуф» начинается с таинственных букв «алиф – лям – ра» [6, с. 235]. В тафсирах (*араб.* экзегетика Корана) эти знаки в основном не интерпретируются как имеющие тайный смысл, фактически стоящие за порогом человеческого познания и полностью находящиеся в ведении Всевышнего. Трансцендентность и недоступность рациональному толкованию этих мест Корана можно связать только с эзотерическими учениями ('илм ал-батин). Следовательно, в суре «Йусуф» уже изначально заложен Сокрытый смысл, который как главный источник поэмы «Кисса-и Йусуф» задает ей таинственность и образует мистическую основу.

Также к иррациональным понятиям можно отнести серии сновидений и онейроптику (учение о толковании снов), которые талантливо и эффективно вставлены в структуру поэмы и сопровождают ее континуально от начала до конца. Сюда же можно отнести и другие разнообразные таинственные явления, которых в «Кисса» довольно много, и присутствуют они перманентно. Если Кул Гали постоянно пользуется мистическим инструментарием и интерпретирует его согласно суфийским традициям, то миропонимание автора как авторитетного последователя тариката (*араб.* мистический путь возвышения) на Средневековом Поволжье и Урале выглядит вполне закономерным.

Одной из часто используемых категорий в мусульманском мистицизме является понятие красоты. В произведении оно также занимает особое и таинственное место. Простая человеческая красота, преобразованная Всемогущим Аллахом до высшей Божественной красоты, доступна только избранным. Эта красота восхищает сердца и души египтян при появлении Йусуфа. Согласно варианту строгого мусульманского провиденциализма (ал-джабр), Аллах

привлекает к Себе того, кого захочет, и абсолютная Божественная благодать не зависит от самого человека. Если Бог захочет, то поднимает завесу между Собой и любимым рабом и возвышает его до высот духовного и физического совершенства. Чувствуя Божественную любовь к себе, раб теряет свое существование и стремится к Нему посредством искренней любви и экстаза (ал-вадж). Мусульманские мистики утверждают, что доказательством существования любви Аллаха является аят (*араб.* знамение) Корана: «Аллах избирает к Себе, кого пожелает, и ведет к Себе, кто обращается» [6, с. 484].

Факсимиле текста с транслитерационным вариантом:

Арасында Йософи ашар хөллә кейеп – зәриф шәфәгендә нуры балкып
Тәнкирләсә Йософи ағырлайдып – Йософ ашар камулардан артык имде.

Миср әһле буны күрә калды хайран – әйделәр бу дөкүлдәр әдәмидән

Мөкәррәб фәрштәдер әитти күкдән – жөмләләри анка сәждә кылырлар имде [8, л. 226].

Перевод:

Среди них Йусуф на коне, в почетном халате,
Его прекрасный, легкий нимб излучал сияние,
Так был возвеличен Йусуф –
Всех достойней держался Йусуф.
Египтяне, увидев его, пришли в восхищение,
Сказали: «Он не из рода людского –
Высший из ангелов спустился с неба», –
Все склонились пред ним в земном поклоне [9, с. 336].

В поэме Пророк Йусуф – олицетворение совершенства и красоты Аллаха на этом свете. Он самый красивый из красивейших людей мира, поэтому определение «прекрасный Йусуф» превратилось в эстетическую и этическую сравнительные характеристики среди мусульманских мистиков.

«Аллах прекрасен и любит красоту», – так гласит изречение, охотно повторяемое суфиями. Единое-Бытие, по терминологии суфиев, соответствует слову «Аллах», то есть Абсолютное Благо и Высшая Красота в одной ипостаси. Мир, устроенный по велению и образцу Аллаха, тоже прекрасен, как и его Создатель. В поэме прекрасен не только мир в целом, но и любое создание. Красота, а также Бог-Благо объективны и постоянно «присутствуют в вещах» и в бесконечных измерениях [10, с. 89]. Автор поэмы гармонично использует парадоксальное учение исламского мистицизма о Единости Бога и его Творения с категорией монотеизма, абсолютности Всевышнего.

Крупнейший представитель исламской философии и мистицизма, основоположник теории су-

физма и учения Единства бытия (вахдат ал-вуджуд), сторонник концепции совершенного человека (ал-инсан ал-камил) Ибн ал-Араби (1165–1240), обосновывая свою теорию о Единстве мира, построил на первый взгляд простую, но фактически сложную эзотерическо-философскую систему. Данная концепция разделила исламских ученых на два противоположных течения. Одни, например, ибн ат-Таимийа, критиковали за пантеизм (мазхабу улухиййату-л-кауни), другие принимали его разработки как истинный монотеизм (ат-тавхиду-л-хак). Абсолютность (ал-итлак) Аллаха и Его присутствие во всех формах бытия обосновывается в теории Единства Мира или единства Создателя и всего нескончаемого многообразия бытия. Яркую окраску нашла эта концепция в прекрасном, Его особом проявлении в женской красоте – это некое благо и ее Зеркальное отражение в любви. Принцип «зеркальности» (ал-мира'ат) в суфийской инсталляции – обширный и универсальный концепт, имеющий свою сложную интерпретацию, требующий отдельной тематической разработки. Как видно, изначально линия таинственной Божественной любви и красоты в поэме магистральна и начинается со сна. Любовь Зулейхи к Йусуфу, возникшая во сне, – типичная суфийская традиционная линия, свойственная концепции мистической любви. Она не одержима в своих страстях, иррациональна в действиях, непонятна и таинственна в помыслах. Рассматривая линию мусульманских мистиков о понимании Божественной любви и прекрасного всего сущего, можно объяснить этот феномен закономерностью обусловленности абсолютной взаимосвязанности сущности Аллаха, а также имманентностью это всем элементам бытия или всем «вещам» [10, с. 88]. Таким образом, в сказании «Киса-и Йусуф» одна из центральных проблем – тема конгениальной роли мистицизма – рассматривается через осмысление мистической философии суфизма как парадигмы ат-таджалли или эпифания (самопроявления Бога в вещах).

В поэме Аллах – реальный и ирреальный, временной и вневременной, в пространстве и одновременно вне пространства – есть объект мистической любви и благодати. Он присущ всем Зеркальным образам, проявляется во всем прекрасном. Единая Божественная красота, разливаясь в бесчисленных формах мира, с особой таинственностью воплощается и в другом живом объекте – женщине. Поэтому созерцание Аллаха в женской красоте «есть наиболее великое и полное созерцание» [10, с. 89].

Классифицируя общую концепцию любви у мистика Ибн Араби, Т. Ибрагим приводит три вида любви – физическая (таби'и), духовная (рухи) и божественная (илахи) [10, с. 89]. Физическая любовь охватывает разнообразие физиологических и

физических действий, присущих всем живым существам, явлениям и предметам природы. Здесь, по утверждению ученого, субъект стремится к удовлетворению односторонних желаний. Такая любовь в некотором смысле не зеркальна, а скорее примитивна. В такой любви субъект и объект еще далеки от образования совершенного Божественного Единства и Слияния, потому что высшей целью учения тариката является реализация потенциала Божественной Эманации – Вселенного Единства Бога и мира Творения ('аламу-л-ибда' ва-л-инби'ас). В отличие «от простых людей, которые любят единичные вещи», конкретные формы бытия, «мистики любят целое», охватывающее единичные вещи, любят единую Сущность, проявляющуюся во всех конкретных формах [10, с. 89].

В «Кисса-и Йусуф» провозглашается духовность и возвышается духовная любовь, которая предполагает, что влюбленный полностью отдает себя, жертвует собой и своими желаниями ради возлюбленной. Стремление к духовности и через постижение духовной любви в конечном итоге позволяет достичь созерцания Единого путем слияния с Ним – такова позиция автора о мистической любви. В поэме две категории любви (физическая и духовная) составляют вместе один аспект – земной, который в последующем объединяется с наивысшей ступенью любви – божественной (илахи). Соответственно, «Кисса-и Йусуф» – это сплав таинственности Божественной любви и ее Эманации, воплощенной в простых человеческих отношениях с мистиком суфиев. Такие категории, как терпение, красота, совершенство, созерцание, богобоязненность, затрагивают поистине глубинные пласты и сакральные общечеловеческие ценности. Главный герой произведения, приобретая эти качества суфийской нравственности и этики, постоянно стремится к единой Сущности, Единому Творцу и Его мистической любви, потому что они распространяются на все формы Творения мироздания.

Как видно из приведенного выше кратко реконструированного памятника средневековой суфийской литературы, ведущим критерием для автора была не столько оригинальность, сколько мастерское владение поэтично-философскими и аллегорически-мистическими канонами. Это довольно явно прослеживается в поэме болгаро-башкирского поэта Кул Гали. Таким образом, «Кисса-и Йусуф» с масштабными элементами мусульманского мистицизма по концептуальной идее и содержанию восходит к восточно-мистической суфийской литературе. Хотя, по нашему мнению, она предваряет не только поэтично-суфийское влияние, но и постоянную интерференцию с известной коранической и классической сюжетной линией персидско-арабских произведений. В про-

цессе краткого анализа этих линий рассмотрена взаимосвязь концептуальных идей и элементов мистицизма, что позволило бы преодолеть их одностороннее толкование в русле религиозно-философской или рационалистической функции. Конечно, сказание искусно по своей творческой обработке и в инсталляционном плане восходит к огузо-кипчакской тюркоязычной герменевтической традиции. Эта древняя поликультурная традиция рациональной и иррациональной ориентации, в совокупности гармонично синтезирующая суфийскую доктринально-практическую этику и трансцендентную философию, наглядно проявляется в конгениальной роли мистицизма и ее генерирующей линии в поэме в целом. Благодаря моральной чистоте, верности, покорности Предопределению (ал-када) и любви к Создателю и к его творениям «Кисса-и Йусуф» является образцом мусульманской творческой мысли. Главный герой несет на себе отпечаток мистической божественности и определенное философско-просветительское содержание. Актуальные общечеловеческие проблемы,

поднятые суфийским поэтом Кул Гали, сохранили свою значимость и в последующие века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмад ибн Фадлан. Рисалия ибн Фадлан. Дамаск: Хашимия, 1959. 196 с.
2. Хусаинов Г. Б. Тюркоязычные литературы Урало-Поволжья в XI–XVIII вв. как единая система // Литературное наследие народов Урало-Поволжья и современность: сборник статей. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1980. С. 165.
3. Уметбаев М. Ядкар. Казань: типография Б. Л. Домбровского, 1897. 122 с.
4. Галяутдинов И. Г. Тарих нама-и булгар Таджетдина Ялсыгулова. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1990. 238 с.
5. Башкирские шежере. Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 304 с.
6. Коран. Ал-Медина: Полиграфический комбинат им. короля Фахда, 1984. 604 с.
7. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 396 с.
8. Кул Гали. Кисса-и Йусуф. 1809. Фонд рукописи и старопечатных книг ИИЯЛ УНЦ РАН, 57 А 91. 56 листов.
9. Кул Гали. Кысса-и Йусуф. Казань: Татарское книжное издательство, 1983. 540 с.
10. Ибрагим. Т. Вуджудизм как пантеизм // Средневековая арабская философия: проблемы и решения. М.: Восточная литература РАН, 1998. С. 82–114.

Поступила в редакцию 07.02.2013 г.